

# К нашей встрече с ленинградцами

28 ЯНВ 1955 Ленинградская правда

Стало определенной традицией нашего театра знакомить ленинградцев с каждой новой постановкой в самом скором времени после ее выхода в свет. Это объясняется не только близостью Ленинграда к столице, но и тем, что нам после больших творческих волнений среди москвичей хочется сразу же поделиться своими переживаниями, итогами своего труда и с ленинградцами, столь же отличающимися строгой выскательностью по отношению к искусству, глубоким чувством понимания театра, его высокого назначения и его природы.

В тесном творческом общении с советскими зрителями живет каждый театр в нашей стране, черпая из этого своего общения силу и вдохновение для решения благородных и прекрасных задач, поставленных партией и народом перед всем искусством.

Как прекрасно это творческое общение театров со зрителями, как по-дружески, но и с определенной настойчивостью напоминают они всем деятелям театрального искусства, о каком точно искусстве эти зрители мечтают и что бы они хотели видеть на театральных сценах и что бы хотели они унести с собой в своей душе после спектакля.

Советские зрители — самые благодарные зрители в мире — ждут от каждого театра, от каждого спектакля огромной насыщенности ума и сердца; они хотят видеть истинные «подлинные жизни», чтобы они окрыляли их. Они хотят видеть «блестящие пульсы жизни». И сколько надо приложить всем театрам коллективных творческих усилий, чтобы зритель действительно увидел на сцене весь мир с его высокими и смелыми, со всем светлым и трагическим. И чтобы зритель был возвлечен и потрясен, чтобы зритель слился с актерами в одно чувство, чтобы со всей магической силой властвовали над его душой все очарование театра, вся его мощь и глубокой раскрытии глубины человеческой, судьбы народной!

Все громче и тверже требуют от всех нас такого театра наш зритель. И каждый театр, слыша эти призывы, возмужавало принимает на суд зрителя свой послынный

труд, свои скромные дары, думая с неменьшей, чем зритель, силой о том, чтобы достичь самых высоких вершин истинно передового искусства...

При этом мы помним всегда, что простите себе то, что ты не сможешь, но то, что ты не захочешь, — никогда!

Наш театр также по силам своим стремится внести свою долю в общие усилия в этом движении всех советских театров вперед.

Мы покажем ленинградцам многое из того, что позволило постепенно прийти к решению на нашей сцене «Гамлета» В. Шекспира. Мы покажем и постановку «Гамлета».

Мы покажем также те спектакли, которые несамы ценны для нашего творческого движения вперед, составляя творческое многообразие нашей палитры.

В прошлый приезд мы только под конец гастролей смогли показать один из новых наших спектаклей — «Грозу» Островского и «Семью Журиных» В. Чокотова и С. Кара. В этот приезд мы сумели показать больше. Зритель познакомится также с новым спектаклем «Домик на окраине» А. Арбузова в постановке В. Н. Толмазова, а в конце гастролей мы покажем премьеру «Персональное дело» А. Штейна в постановке Е. Зотовой.

В нашей последней новой постановке «Гамлет» театр стремится подыять на шит победу великих идей человечности, победу гуманистических устремлений.

Причину дисгармонии и борьбы Гамлета с самим собой мы стремимся показать не только от процессов борьбы Гамлета с окружающим его «миром — тюрьмой». Мы исходим во многом из трактовок Гамлета Бернским, считавшим Гамлета от природы человеком сильным, полным энергии и «великими душой». Но Гамлет живет, когда «век распался», когда «распалась всякая жизнь», и это распаление предельно обостряет столкновение его гуманистических идеалов с жестокой действительностью, одновременно углубляя его внутренне противоречия.

Самое главное в Гамлете — что он мятется, несомненно против «кляузына мира», вышедший, хотя и обливается

кровью, победителем на трагическом плане «мира — тюрьмы» окружающего его действительности, на плане собственных иллюзий и противоречий.

Центральный конфликт трагедии далеко выходит за пределы «детского королевства» (читай — Англия эпохи Шекспира) и поднимается до самых больших проблем жизненной борьбы против всех, что когда-либо и где-либо вел или ведет наступление на правду и честь всего передового человечества.

Видеть на сцене или читать «Гамлета» — это все равно, что слышать грохочущие плаги истории, и ветер времени доносит до нас не только крики ужаса и отчаяния, но прежде всего страстный голос гуманизма Гамлета, голоса отчаянных борцов с «миром — тюрьмой» как голоса тоски о настоящем человеке и о счастье человечества.

Как бы ни казались нам, людям XX века, нам, борцам за утверждение социалистического гуманизма, идеалистическим, романтическим, расплывчатым мечтам Гамлета и его лагера, они все же, несмотря на свою ограниченность, обусловленную его веком, были суровым обвинительным актом тому обществу, на борьбу с которым возстал Гамлет. Он не взирал на жизнь со стороны, как на арринею, он не стремился «хоты бы в мечтах» спрятаться от жизненных бурь в «башню из слоеной кисти»; он, Гамлет, студент Витенбергского университета, сумел увидеть грандиозный исторический перелом своего времени («распалась всякая жизнь»); он не явля в качестве девиза мешанину мечту: «лучше бы без борьбы», не устранился от борьбы, не стал на сторону «кляузына мира». Он не стал только «мечтать» о человеческом счастье, а повел борьбу как с окружающим его полным «кляузыном миром», так и... с самим собой, с тем в себе, что мы по праву называем гамлетизмом и без чего Гамлет не Гамлет.

Шекспировский Гамлет — это страстный полет мысли с кровью и муками, во все же прорывающийся через все сомнения и колебания; ярко горит пламенный и острый ум Гамлета, его сердце, он несет в себе мужественное преодоление всех

острых противоречий своего века, в нем красота подвига, красота самопожертвования, красота высоких устремлений духа.

В самом себе, в беспощадной критике своей медлительности и сплывающих колебаний он черпал энергию и волю к действию. Он беспрестанно обижал все свои недостатки. Истинно носивший против себя, против своих слабостей. Бесстрастно избегал опасности внутри себя. Снимал с своих глаз идеалистические повязки. Гамлет не издается, не смывает свои сомнения и колебания, а героически их преодолевает, чтобы обрести нужную гармонию в «сплывающих» и «действующих». Гамлет порывал путы, связывавшие его мысль и иллюзиями абстрактного гуманизма. Им руководила воля, полная ненависти к «кляузыну миру». Им руководила гнев против врагов человечности. Он искал истину.

Активность, решительность, инициативность Гамлета — это одна сторона его сущности, одна его часть. Нерешительность, сомнения, колебания, пессимизм — другая сторона его, другая часть его существования.

Нельзя ни эстетизировать, ни модернизировать «Гамлета» Шекспира. И чем строже и глубже проникаешь в самый дух шекспировского произведения, тем становится яснее, что мы имеем дело с острой и боевой политической трагедией, с помысленным идеями гуманизма. В этом — великая, немеркнущая сила шекспировского «Гамлета» и особенно важное значение этой трагедии в наши дни.

Величайшая задача, которая когда-либо стояла перед передовым человечеством, — это мобилизация всех полноты прогрессивных сил мира на борьбу против авантюры и кровавых провокаций заправки капиталистического общества, которые сегодня не останавливаются ни перед чем, даже перед прямой угрозой самому существованию человечества.

Невозможно недооценить значение мобилизации прогрессивных сил и борьбы против кровавых авантур капиталистического мира и на философском фронте.

Между тем в пьесах и в спектаклях, идущих в театре, еще недостаточно отведен места для тех философских вопросов современности, которые ставят перед нами практика и сама жизнь.

А ведь о художественных произведениях, высказанных философской мыслью

и ставящих большие философские проблемы, металл еще Добролюбов: «Свободное претворение самых высоких умозрений в живые образы и, вместе с тем, полное сознание высшего, общего смысла во всяком, самом частном и случайном факте жизни... — это есть идеал, представляющий полное сплывающее науки и поэзии и доселе еще никем недоступный».

«Гамлет» В. Шекспира целиком построен на философской основе, и нашей первоочередной задачей являлось раскрытие прогрессивных философских тенденций, выявленных в его трагедии о датском принце в свете той острой и напряженной борьбы, которую ведет ныне великий лагерь мира против кровавых авантур, духовного гниения и марша современного капиталистического общества.

Всей системой своих образов, всем ходом действия, всем развитием поступков действующих лиц, всей напряженностью борьбы в своей трагедии о Гамлете Шекспир призывает быть на страже человечности, на защите высоких идеалов гуманизма. Именно такой вывод делает зритель, если только, повторю, не эстетизировать и не модернизировать Шекспира.

В роли Гамлета выступает Евгений Самойлов, счастливо состоят в себе лучшие элементы романтики и строго реалистической актерской школы.

Его Гамлет воспринимает впечатление с огромной интенсивностью. Радостно или страдания способны разразиться до экстаза, до бери. Это не может быть у Гамлета случайно, без мотива, по пустякам, но чем причина серьезнее, тем и интенсивность повышается. Гамлет Евгения Самойлова — человек глубокой страсти, большого душевного жара и огневых мыслей. Мятельная и бурная натура, он крупно чувствует, крупно мыслит. Весь в борьбе, полнокровно положен ею. Борьба ведется с окружающим его миром и внутри его самого. Без внутренней борьбы — нет Гамлета.

Гамлет — не посторонний «наблюдатель», он тысячами нитей кровно связан со всеми, кто живет вокруг него, он аррится в чудовищном котле той жизни, и это усиливает борьбу противоречий в нем самом. Его сердце и его ум принадлежат двум мирам: прошлому и будущему, век распался на две части, и трещина прошла по сердцу Гамлета.

О Гамлете можно много и с участием говорить, как много можно сказать и об образе Клавдия в исполнении Г. Кириллова, и Полония в исполнении Л. Свердлина, и об образах Офелии, Гертруды и других в исполнении М. Бабановой, Г. Ангисмовой, Г. Григорьевой, но лучше всего довериться зрителю и показать ему спектакль, который является итогом длительной и кропотливой работы коллектива театра.

...В 1954 году нашему театру присвоено имя талантливейшего поэта нашей эпохи — Владимира Маяковского.

Хорошо, что в нашей стране много разных театров (хотя их должно быть еще больше), разных творческих исканий и направлений. Мы, маяковцы, тоже за настоящую жизнь, на сцене, но она должна быть, говоря словами Вл. Маяковского, «в зрелище необычайнейшее театром превращаемся». Мы любим в своем театре густые краски, исканолочность в сочетании с яркой формой выражения, масштабность, монументальность, сочетание широкой кисти масляной краски с тончайшей кистью нежной акварели. Мы любим выразительные, острые театральные мизансцены, а не просто «как в жизни», мы вооружаем спектакли могуществом музыки. Особое внимание уделяем художественной обработке декораций, мы ищем для каждого спектакля свой особый художественный образ.

Но первое слово, первое место — актеру. Он самый главный в театре художник. Предоставим же ему слово на сцене!

Ленинградцы хорошо знакомы с артистами нашего театра. Снова они встречаются с М. Бабановой, Л. Свердлин, В. Самойловым, А. Хановым, Ю. Гизер, Г. Кирилловым, В. Либманом, К. Колодиным, В. Толмазовым, Т. Карповым, В. Орловым, М. Орловым, А. Духовиным, В. Гердих, Н. Тер-Осипян, Г. Григорьевой и другими.

Весь коллектив театра выжидает предстоящими встречами со зрителями.

Пусть стечет зрительный зал. Пусть гранит оркестр и раскроется занавес, останя зрительные ряды с актером!

Пусть перед вашими зорами разольется бесконечный мир страстей и судеб человеческих!

Н. ОХЛОНКОВ, главный режиссер Московского театра имени Вл. Маяковского, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии